

Марина Мурсалова

Жестокое солнце

Марина Мурсалова

Жестокое солнце

Москва
«Воймега»
2020

УДК 821.161.1-1 Мурсалова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М91

М. Мурсалова

М91 Жестокое солнце / Марина Мурсалова. — М.: Воймега,
2020. — 76 с.

ISBN 978-5-6043511-7-8

Марина Мурсалова родилась в 1982 году в Москве. Окончила Литературный институт. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», альманахе «Алконость» и других. Лауреат премии «Дебют» (2006). С 2013 года живёт в Шэньчжэне (Китай). «Жестокое солнце» — первая книга автора.

ISBN 978-5-6043511-7-8

© М. Мурсалова, текст; 2020
© «Воймега»; 2020

Памяти розы

* * *

Десяток лет в окно на это поле —
и ты уже не сам себе игрок,
а мерзлота предвечная, доколе
зону твоему не выйдет срок.

Десяток лет в окно на все детали
дремучей, обескровленной земли.
Вот с этого бы поля мы взлетали:
ракеты, самолёты, корабли.

Десяток лет в окно на этот похер,
на детскую больницу под дождём.
И мы друг другу в электронный покер
проигрываем и аванса ждём.

Забудь и улети к большому морю,
но холодок останется в крови,
как малярия, — неподвластный горю,
и счастьем, и разлуке, и любви.

* * *

На любой случайной пьянке
В каждом скверном городке,
На далёком полустанке,
На неведомой реке —

Есть всегда один, который
Меньше многих пьёт вина.
Встанет он, зайдёт за шторы
И застынет у окна.

Если постоять немножко —
Эта тьма уже не тьма:
Серебристая дорожка,
Деревенские дома.

Терпеливо, терпеливо
Человек глядит во тьму.
День прошедший, миг счастливый
Больно вспоминать ему.

А зачем он вспоминает,
Если больно вспоминать?
Этого никто не знает.
Кто же может это знать.

* * *

Хорошо по городу идти
В первый день, когда уже не праздник:
Ни блевотины, ни конфетти,
Тишина – не город, а заказник.

Видимо, сегодня поутру
Выпустили добрую машину,
Чтоб она сгребла всю мишуру
И отмыла каждую витрину.

Солнце светит. В тысячах зеркал
Дольний мир заснежен и размножен.
Ты кого-то в городе искал –
Значит, ты не очень безнадежен.

Если можешь вспомнить что-нибудь
Между Рождеством и Новым годом –
Ты не безнадежен, не забудь,
Ты ещё проснёшься с ледоходом.

Солнце понеслось во весь опор.
Что, уже действительно второе?
Как мы продержались до сих пор?
Мы с тобой последние герои.

Мы с тобою выиграли бой,
Мы с тобой не отдали ворота.
Жалко, я не знаю, что с тобой.
Вообще не знаю, где ты, кто ты.

* * *

С. К.

Всякий брошенный дом достаётся природе:
Крысам в подполе, серым кротам в огороде,
И жучкам в почерневшей, трухлявой доске,
И светящимся дивным грибам в уголке.

Там усталые птицы перо оправляют,
И собаки роскошные свадьбы справляют,
И всё выше ползёт по крыльцу мурава,
И под крышей кричит, пролетая, сова.

Вы же видите сами, что вам остаётся:
Только лампочка под потолком не сдаётся,
Как прозрачная груша на ветке гнилой,
Как живое присутствие славы былой.

Впрочем, вы не меня вопрошайте об этом:
Я сама стала влагой, и сушью, и светом,
Я сама превратилась и в землю, и в зной,
И малина победно трубит надо мной.

* * *

Порядочного человека
от гнусного подлеца
отличает умение с разбега
плюнуть себе в лицо.

И плывём мы, порядочные люди,
на своём счастливом плоту —
если этого не умеешь,
не примазывайся мне тут.

* * *

Мужчина живёт, чтобы таскать мешки,
женщина живёт, чтобы мыть горшки.
Оба они изрядно получают по темени,
однако у них остаётся достаточно сил и времени,
чтобы делить вершки-корешки.

Ой, не болите, сердце и голова:
того, кто ослабнет, маленькие существа
стаскивают вниз, в подземное царство,
где он собирает из листьев себе лекарство
и силится вспомнить какие-нибудь слова.

Кого он напоминает? Меня, понятное дело,
я ль на него не похожа, в моей тоске,
когда, о мой мир, косноязычно и несмело
пытаюсь с тобой говорить на одном языке.

* * *

Глупый пароль из шести букв,
но не пароль.

Глупый пароль, только шесть букв,
но не любовь.

Заходи кто хочет,
бери что не жалко —
ничего не жалко.

Идиотский пароль, я его совершенно забыла,
уже неделю стучусь в службу поддержки:
вы не знаете,
вы не помните,
как меня?..

Теперь любой может взломать,
может понять
мою прозрачную схему,
мою пустую шкатулку,
мои смешные секреты —
кроме меня, конечно.

стихи без музыки

1

музыки больше не будет
нету
да и незачем
да это и не музыка

2

некий господин долгое время считался умершим
затем он вернулся на родину
так написано в одной японской книге
он притворился что умер чтобы скрыть предательство

он рассматривает города в которых когда-то жил
посещает старые храмы
покупает вещи
убивает всех кто его узнает

боится снова стать собой
как будто он им когда-то был
на какие глупости способны люди

говорит один мудрый

так нянчиться с этой дурацкой идентичностью
которая на самом деле не имеет никакого отношения
ни ко мне

ни к тебе

3

хроники страны мёртвых подобны хроникам страны живых
карты их похожи между собой
как ладони одного человека
положив их рядом с трудом отличишь
поэтому мёртвые никогда не возвращаются
нет смысла
всё одинаково

4

я думала долго но ответ был в общем-то очевиден
с самого начала
можно ли заниматься поэзией не занимаясь искусством
конечно же нельзя

5

когда флот персов подошёл к Сиракузам
Архимед вышел на берег моря
и натянул свой лук

в этот момент история совершила поворот
и грекам больше никогда не понадобились их зеркала и огонь
потому что на острие стрелы
было ничто

обнаруженное великим учёным совершенно случайно
во время прогулки в летний зной по рощам Сицилии
и сразу с подлинно греческой смекалкой
использованное в практических целях

дорогие персы
желаю вам успешной аннигиляции

* * *

В мае кажется, что в моей стране слишком много знамён,
но между ними, послушай,
воздух населён
шелестящими душами,
настоящими душами
разных стран и времён.

Так что они вытеснили постепенно солнце и кислород,
власть и народ,
религию и науку
и даже всесильную, вездесущую скуку.

И осталась только пыльцы летучая взвесь
и четыре-пять нот в середине первой октавы,
а всё, что касается мира, труда и славы,
происходит не здесь.

Рязанские новости

В Дашках отключили свет и, кажется, воду,
что не мешает их жителям активно сидеть в твиттере.
Кажется, в мире не осталось пробелов:
любое место находится на расстоянии взгляда,
и ностальгия превращается в лирический миф.

Я думаю: эту жизнь, в которой соль была горькой
и мы нахлебались грязи столовой ложкой
(или даже половником),
в которой никакая весна больше не несёт обещаний, —
эту жизнь, говорю,
только ностальгия может сделать переносимой.

Нет, не место, потому что место не имеет значения,
только внутренний образ давности и вычитания,
вроде очень тёмной и маленькой комнаты
в твоей жизни, похожей на многоквартирный дом.
Комнаты, куда вот-вот войдёт
кто-то добрый,
кто-то молчаливый.

(И поэтому не бойся вторичности:
повторяемость — это иллюзия,
и текущая вода всегда остаётся новой.)

Может быть, это наша комната.
Может быть, мы в ней однажды проснёмся.

* * *

ишь что выдумал — незачем ему тосковать
надо жить работать голосовать
ишь что выдумал — некогда ему тосковать
на носу отчёт в шесть утра вставать

тоскованье приходит с большим кирпичом
весь тайм-менеджмент ему нипочём

вылетит в трубу твой фитнес
ежеутренний твой кефир
твой испанский язык полетит как фанера
над рекою Гвадалквивир

ишь что выдумал супермен — некогда ему тосковать
ишь что удумал дурачок — неохота ему тосковать
корабли привезли печаль выходи
выгодно торговать

Ламентация о розе, или Венецианские сладости

Памяти розы, вытащенной из варенья,
я посвящаю все прошлые стихотворенья.
Не посвящаю, а так – словно в воду морскую.
Словно, себя забывая, о розе тоскую.

К памяти розы, бесславно усопшей в сиропе,
я обращаюсь в объединённой Европе,
воздух вдыхая, однако, локально-культурный:
венецианский, сияющий, слёзный, лазурный.

Памяти розы, бессвязной моей полупрозой, –
памяти розы, которая вовсе не розой
будет, ни разу не розой, а сладкой конфетой,
высушенной и в прозрачную пудру одетой.

Памяти розы, поскольку ты больше не роза.
Где же теперь обаянье её и угроза?
В том ли краю, где все розы цветут непреложно,
лучшем Венеции, если такое возможно.

* * *

До сих пор не могу забыть, какие в Вильнюсе были булочки
четыре или пять лет назад,
на железнодорожном – нет, на автовокзале.
Автовокзал и железнодорожный вокзал в Вильнюсе
находятся рядом,
нужно только пересечь вокзальную площадь.
Есть один лайфхак: в Вильнюс надо ехать
до Калининградской области,
например до пункта под названием Нестерово,
а сойти ещё до этого, в Вильнюсе.
Потому что билет до Вильнюса в два раза дороже.
Вам дадут транзитную карту, но вы её спрячьте
и никому не показывайте.
Пограничникам скажете, что билет у вас до Нестерова,
но вы сойдёте в Вильнюсе.
Они будут укоризненно цокать языком, но штампы поставят
в паспорт.
Литовскую визу в посольстве получить раньше было просто.

Выйдете утром на железнодорожном вокзале,
дальше в город, любой вам укажет дорогу.
Нужно дойти до рынка у Остра Браны,
где продают Богородицу и Божье Милосердие.
Перед рынком есть недорогой и довольно хороший хостел,
я не помню название, но его легко найти:
там будет эмблема международной ассоциации хостелов
по правой стороне.
Если пройти Остра Брану и идти дальше, дальше,
через Старый город с его трущобами и церквями,
в конце концов вы придёте в Ужупис.

Про Ужупис ничего говорить не нужно,
с ним и так всё понятно.

А стихи должны писаться не абы как, а о чём-то важном,
и вот я хочу рассказать о чём-то чрезвычайно важном,
о чём никто, кроме меня, не расскажет.
Когда вы будете в Вильнюсе, перейдите вокзальную площадь.
На автовокзале кассы и зал ожидания будут направо,
а булочки будут налево, в самом конце.
Там ещё работала суровая продавщица,
которая не знала английского и не очень любила русский.
Надо взять, во-первых, творожный пончик
(такой большой шарик жирного пышного теста,
вкусный только когда горячий);
во-вторых – булочку с марципаном;
в-третьих – кофе, потому что с булочкой и кофе
у них дают бесплатно ещё одну булочку;
в-четвёртых – сэндвич с вяленным мясом,
помидорами, луком и свежими шампиньонами.
Возьмите большой – я здесь, в Китае,
в самом сердце злого южного лета,
до сих пор жалею, что сэндвич был слишком маленький.

А пончика лучше возьмите два.

Сонет

Мне кэптен говорил, как ни поспорим,
хозяин крепких слов и папирос:
поставь звезду над долгим, горьким морем,
поставь звезду над морем, о матрос.

Ну что ж, я добросовестно поставил,
а всё равно мы забрели
за тыщи ли от неба и земли,
без карты, и ветрил, и правил.

Раз мы уже промокли под дождём —
как на земле уходят в Альпы, в зимы,
давай с тобой в подводники уйдём,
к ночным садам роскошной Мелюзины,

где ходят фосфорические сны,
не видевшие солнца и блесны.

Полночь в Шэньчжэне

* * *

Почти без багажа, почти без денег,
почти один — легко пускаться в путь.
(Так жизнь пройдёт — как ночь на понедельник,
когда боишься лечь и отдохнуть.)

Живое солнце засквозит в тумане,
и, несмотря на холод зимних дней,
тропическая мгла к щекам пристанет,
как чайный след, но мягче и нежней.

Я знаю то, что ничего не знаю:
пускай меня вращают, как магнит.
Всё крупное, что было, разменяю —
а мелочь накопилась и звенит.

* * *

Ночная кукушка дневную перекукует.
Ночная кукушка садится на спинку стула:
на штаны, которые я сложила,
и на кофту, которую я свернула,
и опускает, как в воду, жёлтые очи.

И глядит, как я проверяю время,
как ворую сама у себя конфеты,
как смотрю Альфреда Хичкока и читаю Ивлина Во,
как включаю компьютер, как составляю письма —
потому что вряд ли утром смогу нормально работать.

Ночная кукушка прижимиста и торовата,
есть у неё корабли, и чужие гнёзда,
и путь по дороге, откуда нет возврата.

А утром прилетает дневная кукушка,
у которой стабильные лёгкие перья
и на самом хвосте небольшая зарплата.

* * *

Большой, как небо, интернет:
и ты поэт, и я поэт.
Нас одинаковых сто тысяч.
Тут рыбы нет.

Мы неучи и маргиналы,
от наших слов все мухи мрут,
нас не берут с тобой в журналы –
а впрочем, если и берут?

Забудь про тех, забудь про этих,
перевернись, брат, на живот:
мы, помнишь, тоже думали, что смысл секса в детях,
а он не в детях, вот.

Декадентские небеса

Я принесла домой белую лилию,
поставила её в вазу,
а вазу поставила в комнату —
потому что в гостиной, сцуко, жарко,
а у меня кондиционер.
И запах наполнил комнату, как вода наполняет вазу.

Весь вечер я пила вино и думала, что умру красиво:
отправлюсь на декадентские небеса,
где Шарль Бодлер, Поль Верлен и Эрнест К. Доусон.
А утром проснулась — у меня даже голова не болела,
хотя она у меня всегда болит.

Так что всё это мифы,
от лилий не умирают.

* * *

А всё же мы чего-то потеряли,
приобретя профессионализм.
Оставим возраст, это всё детали:
какой же треш мы заживо глотали —
и выживали безо всяких клизм.

Печаль во всём на свете виновата:
печаль, печаль — а кто мы без неё?
Безглазые весёлые ребята,
вот кто мы без неё.

Сквозь дантовские заросли печали
мы выдрались, как белые враги,
стоим гуртом, где нас не привечали:
вокруг ни зги.

Все мудрецы, провидцы, чертознатцы;
ещё трещит терновник теновой,
и вроде стыдно каждому признаться,
что ты внутри себя ещё живой.

* * *

Гниющими фруктами пахнет баньян,
и город дымится, дождём осиян.

А я на балконе такая стою,
бельё убираю и песни пою.

Смотрю, как внизу разгорается жуть:
попряталась в норы китайская людь.

И бледная дева трепещет в ларьке,
и мусор плывёт по великой реке,

живые столбы огибают дома,
балкон заливает, сгущается тьма,

и наглые молнии блещут во тьме:
не знает никто, что у них на уме.

Я воду сметаю в кривую трубу,
холодные капли стекают по лбу.

Ночные пророки в сетях мировых
вчера обсуждали мне судьбы живых,

вчера объясняли механику дней:
кто выше сегодня, быстрее и сильней.

...Задумался Ной на горе Арарат —
и сварочный свой достаёт аппарат.

и так же, вздыхая, стоит, одинок,
и пробует пальцами верный манок.

Разговор по скайпу

– А у нас сезон дождей.
А у вас?

– А у нас сезон снегов.
Здесь так просто не вернёшься –
вышел вон и был таков.

Закупился в бакалее –
заблудился по пути.
Я теперь почти жалею,
что сумел себя найти.

Новости да вести эти
от разрозненных людей.
Как же холодно на свете:
что в России, что везде!

Над рекою, за стеною
в темноте фонарь горит,
вечным холодом со мною
мир безмолвный говорит.

Мир встаёт передо мною,
как стеклянная гора.

– Значит, так: в Шэньчжэне полночь,
мне, пожалуй, спать пора.
Ночь, фонарь, сезон дождей –
в общем, всё как у людей.

Понедельник

Каждый понедельник
я надеваю новый пододеяльник.
Мама говорила, что я бездельник,
теперь то же самое говорит начальник.

И поскольку меня это слегка подзадолбало,
возоплю, подавлен и изувечен:
для чего мне надо одевать одеяло,
если я несчастен, небрит и не вечен?!

Испытан обстоятельствами и натурой,
человек с не самой нежной кожей,
я бы мог укрываться, допустим, шкурой
или ничем. Или, скажем, рогожей.

Мне отвечают справа и слева
голоса из божественного эфира:
сей пододеяльник есть священное древо,
стоящее в центре видимого мира.

Если ты встанешь и уйдёшь на кухню
допивать свой вайсбир, тогда, вероятно,
вселенная сразу и немедленно рухнет,
рай обвалится в ад, ну, или обратно.

Гарм залает громко у Гнипахеллира,
Нагельфар в царстве мёртвых отдаст швартовы,
в общем, худо будет, — говорят из эфира.

Я готов, пожалуй.
А вы готовы?

* * *

Я каждый день убиваю Будду,
а иногда — с пяток,
ежели не забуду,
а то он такой, восток.

Лети, лети, лепесток...

В раю для мессершмитов,
для боевых кораблей
за каждого сбитого Будду
дают пятнадцать рублей.

В раю для мессершмитов
всегда покой и уют,
за каждого сбитого Будду
там двух несбитых дают.

Там я откажусь от хлеба
и выпью зелёный чай,
и мне в картотеке неба
запишут мою печаль.

* * *

Непогода в Шэньчжэне, как истинный мастер боя,
выбивает входную дверь, не прикасаясь к ней.
Я люблю города, как любят сады камней,
где зелёное, серое и голубое.

Выбирая пустыню, возьми погост или рынок:
там и там избавление, чувство дзенского дна.
Но и город сойдёт: супермаркет, метро, стена,
хирургический холод высотных льдинок.

А когда закипает в море далёкий шторм,
что ломает баньян и с щитов обрывает маски,
в белой горной башне заранее знают о том
и летят предупредительные эсэмэски.

Так смятённое сердце, как сильный ветер с дождём,
потрясает стены, колотит стёкла, срывает крыши:
люди смотрят на небо, говорят — подождём,
не боятся его и, привыкнув, почти не слышат.

Весенняя песня

Ненависть моя сделалась стара,
и любовь моя сделалась стара,
и никто из них не выбивает ковёр,
и никто из них не идёт со двора.

И никто из них не ходит к обедне, не печёт блины,
и никто из них не держит обид и не видит сны.

А была моя ненависть, как яд, крепка,
а была моя любовь, как огонь, жарка,
а теперь они не помнят, кто мыло купил:
перессорились из-за одного куска.

Ненависть моя сделалась темна,
и любовь моя сделалась темна:
перессорились — помирились,
позабыли хозяйюшки свои имена.

Ай да радость солнышку на крылечке!
Ай да радость мышке в норе!
Ай да радость котяткам на печке!
Ай да радость кутяткам в конуре!

Только их воспитанница, падчерица,
которой не помнит никто лица,
сиротинушка, скотинушка,
по босым ногам хворостинушка,
убежала и воет далеко в полях...

А я всё иду, иду.

Сентябрьские стишки

Зверушки позапрятались в дома,
им кажется, дома их — терема,
как горная гряда, они огромны,
как город, как грядущая зима.

А я-то вижу, их дома — труха:
кора, гнилушки да кусочки мха,
еловые чешуйки, паутинки
и прочая смешная чепуха.

Но я не трону вас, мои зверьки:
кончаются хорошие деньки
по ту и эту половинку неба,
по ту и эту сторону реки.

* * *

Сердце плавает в вещах,
словно муха в постных щах, —
очень грустно, мой учитель,
понимать в таких вещах.

Ум блуждает, всюду мрак,
вы дурак и я дурак —
очень грустно, мой учитель,
понимать, что это так.

Словно в узкую тюрьму,
спуск в потутошнюю тьму —
очень грустно, мой учитель,
опускаться одному.

Ни кораллы, ни кларнет —
никаких призов там нет,
только правда и свобода,
да и то скорее нет.

* * *

Снова во сне проспал
сранный самолёт домой —
кто же задерживает вылет на тридцать лет?
Я метался по терминалу, как чумной,
но опять не успел, не успел.
Поэтому с утра всё внутри болит,
как будто я в том проклятом сне
до сих пор лечу и лечу вовне,
сам по себе, словно большой болид.

Молитва перед выходом из дома

Не обязательно уничтожать людей,
не обязательно пить их кровь.
В этой истории я не герой,
в этой истории я не злодей.

Все мы счастливы в свой черёд:
цветок на дереве, птица в кустах,
автобус придёт, боль пройдёт,
любовь побеждает страх
или не побеждает страх.

В этой империи я слаб,
но в этой империи я не раб,
даже не восставший раб.

Я могу разорвать сеть,
но не обязательно прямо сейчас.

* * *

На китайском жёстком ложе
неудобно обниматься:
всё впивается везде.

На китайских людных стогнах
неудобно целоваться:
все проходят и глядят.

А в китайских мелких лавках
нет ни творога, ни водки,
ни укропа, ни свеклы.

Неудобно жить в Китае;
неудобно, да и мило —
как за пазухой у Бога,
как у чёрта на рогах.

Бестиарий простейших

* * *

Мне всю жизнь везёт на блины:
на детей луны,
мудаков из волшебной страны
и мужей войны,
на веганов, на эксгиби-
ционистов, на транс- и би-,
сионистов, антиюдей...

Где он, мир нормальных людей?
Разве только в мире идей.

* * *

Когда я был маленьким, говорит любой человек,
небо было другим:
не было ни ураганов, ни наводнений,
ни ледяных дождей, уничтожающих всё живое,
ни долгой жары, когда поля горят на корню,
не было этих дней, когда не знаешь, какое время года,
потому что у природы сбились внутренние часы,
не было грозových фронтов, конвективных ячеек,
шаровых молний, заглядывающих в окно,
спрайтов, комет, астероидов и суперлуний.

Когда я был маленьким, небо было понятным, добрым.
Мы выходили в поля, я ложился на спину
и смотрел, как в лазури плавает чей-то воздушный змей.
Я ложился на пузо и смотрелся в пруд,
и там, за головой моего двойника,
среди моллюсков, водорослей и прочей таинственной грязи
светилось призрачное беззаботное небо,
и облака в нём таяли, словно светлые мысли.
Иногда, понятно, случался дождь,
я гулял по лужам в резиновых сапогах,
в правом из которых всё равно была маленькая дырочка.
Приходила зима, на траве появлялся иней,
вечером метель убаюкивала меня,
а утром мама пришивала варежки на резинку,
и я выходил играть в снежки.

Я даже не знаю: может, это мы испортили небо?
Все эти дезодоранты в баллончиках и телевизионные вышки.
Сегодня сказали – торнадо. Торнадо в Московской области!
Я выключил радио и больше не включал.

* * *

я тридцать лет ходивший в школу
сперва учил потом учил
а что такова что такова
зато не крал и не мочил

я тридцать лет из дома в школу
ходивший мимо гаражей
а что такова что такова
бывают стёжки похужей

по гопским гребням окраин
до школы номер сорок пять
а вы с какова тут раёна
чево я должен объяснять

я стать хотевший твёрже стали
устала закаляясь сталь
а что такова все устали
и я усталъ

Францисканская молитва

Хвала Тебе, Господи, в наших добрых машинах,
в наших умных, тёплых и послушных машинах.
Хвала Тебе за брата нашего принтера,
который отличает чёрное от белого и право от лева,
хвала Тебе за брата нашего сканера,
который иногда прячет нужные документы, но никогда не ворует,
хвала Тебе за сестру нашу электронную почту,
которая разносит вести быстрее любого архангела,
хвала Тебе за весь этот зоопарк науки и техники,
который ежедневно на восемь часов превращает меня в осьминога.

Спасибо Тебе, что погода у нас сегодня не очень:
мы и сами сегодня не очень, так что желтушный рассвет,
тошный снежок и ледяные лужи вполне уместны;
спасибо Тебе, что нам не повысят зарплату —
мы наворуем там, где недоэкономим;
спасибо Тебе, что нам врут абсолютно все и каждый
и мы имеем полное право никому не верить;
спасибо Тебе, что весь цивилизованный мир
оторвался от нас и уплывает, как воздушный шарик.

Спасибо Тебе, что я была идиоткой,
что так старалась узнать Твою волю,
что на всех углах расспрашивала о Твоей воле,
не зная, что Ты творишь нас и отпускаешь, как птиц
на Благовещенье;
что спрашивала посторонних людей, как мне дальше жить,
и верила, что они знают Тебя, когда они и меня не знали.
Спасибо Тебе, что боялась обидеть Тебя
просмотром нехорошего видео, неприличным словом,

грамматической ошибкой, в то время как Ты играл галактиками, сдав нам Землю в аренду и не беспокоясь ни о чём вообще.

Спасибо Тебе, что я ушла в монастырь
и мне там сказали, что моё призвание не здесь, попробуй вон там;
и я ушла в другой монастырь, и там был священник,
который рассказывал девушкам о распятом Христе и виденьях,
а потом делал с ними всё что хотел,
а в ордене его покрывали;
и я ушла в третий монастырь, и была уже немолода,
у меня были головные боли, были боли в животе,
я не могла работать, как другие, как надо,
и молодые весёлые здоровые послушницы
пожирали меня, как пожирают хлеб.
Я ушла в четвёртый монастырь, где было потише,
но у настоятельницы начались странные идеи;
настоятельницу расстригли, монастырь разогнали.
И тогда я собрала чёртов чемодан и вернулась из Польши,
в пыльный холодный летний вечер вернулась из Польши
и почувствовала себя седой, потому что время прошло.

Спасибо Тебе, что раз в жизни я поступила умно:
я не стала бегать по духовникам, спрашивая Твоего мнения,
я не перекочевала в православие или в буддизм, чтобы
начать по новой,
я даже не пробовала отравиться,
я засмеялась, махнула рукой и пошла искать работу.

Спасибо Тебе, что я не Франциск Ассизский
(и могу оставить в покое всех своих прокажённых),
спасибо Тебе, что я не святой Антоний
(я ненавижу лилии, проповеди и сладкие булки),
спасибо Тебе, что я не одна из этих девиц в экстазе
(тут, наверное, комментариев не нужно),

спасибо Тебе, что я не Ян Твардовский
(а то бы я думала, что пишу хорошее стихотворенье).

Спасибо Тебе, что я больше не Твоя возлюбленная дочь и невеста,
а просто сестра ослица, подъяремная, что твоя жила,
и внутри у меня нет никакой души, и сердца почти уже нет;
только печень, в которой притаились камни,
и кишечник, в котором поселились полипы,
и матка, где угнездилась миома.

Спасибо Тебе, что плакать мне уже поздно,
что-то менять уже поздно, а умирать вроде бы ещё рано,
спасибо, что мне от Тебя ничего не надо.
Я вылетела, как птица, из серафических рук святого Франциска,
и падаю, падаю в альтум гнусного неба.

* * *

Спиться в Китае приятней, чем спиться в России:
пойло, скажу вам, покрепче, и люди простые.
Над зеркалами полей замечталась луна,
запах жасмина и глины течёт из окна.

После учёбы, женитьбы, войны, шпионажа
спиться в Китае — последняя станция наша.
Поезд не очень-то ходит в такие края,
так что остались лишь горы, да ветер, да я.

Спиться на юге, где солнце и ночью жестоко.
Липнет постель, завершается мука: с востока
в небо течёт растворитель густого пространства.
Сгинуть, товарищи, — не от любви, так от пьянства.

Может, какой-нибудь сон поутру и приснится.
Что мне бояться? Я спица в пустой колеснице.
Щепка в колодце. Я не поднимаю волну,
не удивляюсь: когда-нибудь да утону.

Багатель

Питахайя моя, питахайя,
я живу, понемногу порхая,
ай, папайя, Паттайя моя,
что ж ты, дурень, не видишь края?

Я живу, веселясь и бухая,
жизнь моя не такая плохая.
Я кормлю в своём сердце клопа:
я попал, куда ты не попал.

Дед Пихто с лупоглазым Попаем,
улыбаемся, друг, и копаем.
Элосы ты моя, Элосы —
ты ужасные носишь трусы.

Нет, серьёзнее быть и солидней —
пробудись, я твой лучник последний, —
что ж ты ржёшь, бессердечная тварь.
Я расстроюсь, захлопну букварь.

Ах ты трах, ох ты трах-тибидох ты:
вот он, берег, невидимый с Охты,
вот он, Родос, вот яма с песком,
вот судья с кумачовым флажком.

И зачем-то припёр я в угаре
мой букварь, мой словарь, мой глоссарий,
бестиарий простейших обид:
деньги, недруги, тромбофлебит.

Не затем ли я слышал и видел,
гнал, зависел, держал, ненавидел,
чтобы знать, что с небес, как с холста,
золотая течёт пустота?

словесность будущего

читать на смартфоне прозу немыслимо неудобно
поэзия победит в естественном отборе
словесность будущего должна уместиться в ладони
и это органично гораздо органичнее
чем книга размером с кожу телёнка
с кожу стада телят размером
с латунный пресс бамбуковое сито
глиняную табличку могильный камень
книги размером с небо и землю размером с Бога
размером с правду хроники павших царств
энциклопедии вымышленных чудищ

Путешествие домой

* * *

Люди борются за мир,
за хамон и за пломбир
(за двенадцать был копеек
замечательный пломбир).

Пролетит за годом год.
Кто же победил в итоге?
...Тронет, плюнет, отойдёт —
вкус не тот, и мир не тот.

Проклятые вопросы

Подходит мужик к магазину, а там табличка: «Пива нет».

Зачем они
издеваются, —
говорит мужик.

Можно ведь было просто написать: «Пива нет».

А они такие: «Пива нееееет».

Подходит мужик к магазину, а там табличка: «Бога нет».

Зачем они
издеваются, —
говорит мужик.

Можно ведь было просто написать: «Бога нет».

А они такие: «Бога нееееет».

Подходит мужик к магазину, а там табличка: «Счастья нет,

но есть покой и воля».

Подпись: А. С. Пушкин.

Зачем они
издеваются, —
говорит мужик.

Можно ведь было просто написать: «Счастья нет».

К чему ещё какое-то «но»?

Подходит юноша к магазину, а там табличка: «Любви нет».

Юноша заплакал и ушёл.

Подходит женщина к магазину —

ну и накупила всего-всего-всего.

* * *

Мы пошли на оперу Тоска,
оперу за винным магазином,
под цветным рассыпавшимся клёном,
оперу из мокрого песка.

Мы попали в оперу Тоска –
разом, с трёхочкового броска.
Мы совсем, совсем не виноваты:
на площадке линии размыты
и корзина старая жалка.
А вокруг костры и буераки
и предупреждающие знаки:
«Вы попали в оперу Тоска».

Здравствуй, здравствуй, опера Тоска!
Покажи нам эти облака,
шрамы, что оставила погода,
боль в суставах накануне хлада,
тёмный страх на истечение года...

Впрочем, слишком плакаться не надо:
вот неподалёку «Вино – воды»,
вот мои друзья издалека.

Собралась компашка театралов –
умников, творцов и маргиналов,
отчего бы вместе не пойти?
Вот идём, смеёмся по пути.

* * *

Кто только придумал, что счастливы дети?
Я помню, глядела в окно.
Они потеряшки на этой планете,
где всё непонятно, тревожно, смешно.

Ужасные психи по улицам рыщут,
собаки за домом живут,
уйдёшь со двора – и тебя не разыщут:
заманят, похитят, взорвут.

Откуда у мамы бывает зарплата?
Откуда у папы бывает вино?
Что делать, когда они ходят в кино
и дома одни остаются ребята?

Закончились пряники, стихли шутихи,
прошли Новый год, Рождество –
мы сами ужасные психи,
и страшного нет ничего.

* * *

Понедельник. Ветер, туман и мгла.
Мент стоит на дороге
из-за угла.

У него ужасно болит голова,
да и сам он едва-едва.

Он страдает, и нету на нём лица:
ни одной машины в оба конца.

Вот летит! и бдительный паразит
лёгким взмахом машину тормозит.

Но случился престранный инцидент:
тот, который в машине, тоже мент.

И говорит:
разве не знаешь ты —
в воскресенье вышел закон,
что все люди у нас теперь менты
(и слово Его — закон).

Понедельник. Смута и маета.
На дороге мент отпускает мента.

Ветер ноет, туман в кюветах юлит.
Голова у мента ужасно болит.

Путешествие домой

1

встаю ранним утром
на ощупь
допиваю чай в котором плавает мошка
начинаю растапливать
сереющую печь

от холода лицо стало шершавым
словно лицо каменной бабы

хорошо было грекам
жизнь для них была песня
смерть — весёлая переправа

хорошо цыгану
жилья не строит не моется
врёт как дышит
нипочём ему дальняя дорога

и зачем я вошёл
в эту комнату?
я забыл
а день уже начинается

2

Как растёт человек? Например, он живёт,
и как ни включит телевизор, а там Новый год.
Новый год четырнадцать дней в году,
а потом я на работу пойду.

И где здесь урвать кусочек души?
В телевизоре сказали: нужно читать.
Я послушался и читал роман «Идиот»,
но легче не стало, скорее наоборот.

Наверное, надо было жить по-другому:
не бухтеть, когда физкультурник выгонял на мороз,
делать уроки; требовать от родителей,
чтобы мы сходили в музей.

А ещё Зин Пална, биологичка,
объясняла, что лошадиное лицо принца Чарльза —
явный признак вырождения.
Она говорила об этом так уверенно,
сразу видно: человек разбирается в принцах.

Новые записки у изголовья

то, что вызывает страх

Искать туалет в электричке на полном ходу,
пробираясь по гремящим и сталкивающимся вагонам;
есть непонятный салат на вокзале четвёртого января;
возвращаться домой по тёмной улице с эльфийской песней в руке.

то, что приносит печаль

Тут всё ясно: ценники в аэропорту;
программа голубого огонька;
нюхать бензин, креозот и сигаретный дым;
пить коньяк, потому что всё остальное закончилось.

то, что рождает радость

Вернуться домой вечером четвёртого января и остаться в живых;
посмотреть голубой огонёк и остаться в живых;
дожить до тридцати пяти, пережить веру, царя и отечество
и остаться в живых;
пожать руку Данте, переходящему ад;
говорить правду, потому что всё остальное закончилось.

Глиняный воин

* * *

Я отказался от власти,
чтобы выращивать камни
этими вот руками.
Чтобы искать дорогу,
которую не осилит идущий.

Триптих острова Ламма

1

На одиноком камне вспыхивает маяк.
На одиноком камне белая птица стоит.
Утром возле парома оживает базар:
все покупают овощи. Я такой же, как все.

2

Если на острове в полдень выпить стакан вина —
в мире исчезнут тени, вечно продлится день.
Если купить себе книгу и вечером сделать чай —
будет покой глубоким, вечно продлится ночь.

3

Я видел грот камикадзе и видел пляж черепах,
я знаю тринадцать кошек по имени и в лицо.
Тут всё уже закрылось, я вышел смотреть огни:
огни на далёком судне, огни на том берегу.

* * *

Смейся вечности в лицо —
в циферблат её без риск,
накупи в сельпо ирисок,
сядь на тёплое крыльцо.

Шоколад не привезут —
пропадёт твой блат без толку,
уходи-ка в самоволку
за просёлочный мазут.

Где звенит пчелиный сон,
где овражек родниковый,
где сурепке бестолковой
улыбается Бусон.

Солнце сменится луной,
в небесах похолодает.
Кто живёт — слегка страдает,
иногда черёд за мной.

Грибная фея

постапокалиптическая сказка

Я не из тех, кого любят
хорошие учителя,
собаки, арбузы и боги
и прочий вселенский компот.
Мне десять лет от рожденья,
мне восемь лет до нуля,
я вхожу в такие дома,
где больше никто не живёт.

Пускай то жара, то холод
и нечего надевать,
но хлеба всё же хватает
до перемены дня.
Грибные феи нас любят,
дают перезимовать.
А больше всех почему-то
они любят меня.

Мы спустились с обрыва,
я вижу круги на лугу:
рисовали их не пришельцы,
не химики, не враги.
Тёмные на зелёном —
я никогда не лгу —
это грибная фея,
это её круги.

Пройдёт ещё два года —
родится моя сестра,
семь лет — я закончу школу,
потом поступлю в институт.

Ни счастья, ни богатства,
ни прочего добра,
но – эй, дорогая фея,
скажи, ты всё ещё тут?

Я помню три конца света,
четвёртый не будет ждать.
Прибой приносит бутылки,
наполненные войной.
Сейчас дочитаю новости
и мирно пойду гулять:
возможно, грибная фея
походит ещё со мной.

В греческом зале

Вот свет отключился, и дети сказали:
«Нам скучно, нам холодно в греческом зале!» —
и даже учитель, неведь почему,
подумал, что скучно ему.

Он сдёрнул очки, но вокруг было скучно:
народ небогатый глазел равнодушно,
музейная дева грустила в углу,
блестел пяточок на полу.

Девчонки хихикали, рожу соорив, —
повсюду пиписьки богов и героев;
желудки урчали, зевали уста.
Он мысленно прыгнул с моста,

но выжил. А дети всё шли, вырастая,
по залу Египта, по залу Китая,
всё шли, причитая: «Нам скучно, учитель!
Нам страшно, придите и всё объясните!
Нам тошно, учитель, зовите врача!» —
музейным шёпотом крича.

Всё ныли о том, что им грустно и плохо,
покуда над ними сомкнулась эпоха;
в фальшивых бантах, в страусином пальто —
их больше не видел никто.

* * *

Чужие небеса и родные просторы;
первые ягоды лета, первый снег зимы;
цветы, большие и маленькие; запредельные горы;
шторма, налетающие со скоростью мысли, со скоростью тьмы;

состраданье к товарищам по смертному страху,
по круговороту белковых тел;
первое слово, последнюю рубашку;
всё, о чём я думал, чего я хотел;

детское удивление, детскую травлю;
плоды познания, опасность и игру —
всё заберу с собой, ничего не оставлю,
словно посуду в скатерть — нищий на брачном пиру.

* * *

Выбираться из нищеты —
словно воду таскать в решете:
остаёшься всегда в нищете,
да ещё наживаешь гастрит, —

старый мастер Хуэй говорит.

Это значит, ещё повезло,
ведь и хуже могло быть, могло.
Человек, хоть и низкий, но ты
видишь меру своей нищеты.
А родишься, допустим, кустом —
даже сам не узнаешь о том.

Всё окей, — молвил мастер Хуэй.
Доедай-ка лапшу поживей:
в третьем цехе какой-то пробой,
а чинить, как всегда, мы с тобой.

И шагнул я за ним, матерясь,
в заводскую родимую грязь,
а навстречу уже грохотал
многотонный горячий металл.

Юнгианский экзорцизм

Бес либерализма, бес консерватизма,
бес национализма, бес гедонизма, бес фитнеса,
бес фотографии, бес графоманства,
бес животноводства, бес чадолюбия,
бес филантропии, бес религиозного благочестия,
бес самодовольства, бес разочарования –
имя вам легион.

Господи, как же трудно изгнать вас из себя самого.
Из других, кстати, получается лучше,
но при этом в тебя, как в открытую форточку,
залетает десяток новых.

Буду чистым, чистым, буду жить в горах,
заваривать по утрам лапшу,
работать четырнадцать часов в сутки,
не включать телевизор, не заходить в интернет,
не разговаривать с людьми ни о чём, кроме погоды и урожая.
Но боюсь, что несколько захудалых чертенят
спрячутся внутри, организуют колонию
и станут жиреть в тишине.
Встречались мне такие отшельники: в них съедено всё,
а они и не подозревают.

Страшно, Господи, страшно быть человеком
в этом чертополохе, глаза бы не смотрели.
Быть человеком – невысказанный аскетический подвиг,
а бес аскетизма – уже тут как тут, вместе с бесом правоты.

Демотиватор

да память моя конечно не та что раньше но есть и плюсы
могу перечитывать старые детективы
раньше приходилось ждать пару десятков лет
пока белые пятна закроют имена мотивы
теперь другое дело зима каждый год новый год
к примеру каждый месяц рождество и того чаще

бокал красного вина полезен для сердца в сумерки
дверь приоткрыта сквозняк перелистывает страницы
два бокала вина в два раза полезней для сердца
а для ума полезно думать говорил же тебе доктор
уотсон ум должен быть постоянно в движении как руки и ноги

белые белые пятна они закрывают всё
имена мотивы к примеру люди
которых я ненавидела вполне могла бы убить
зимним вечером выстрелом из револьвера
таинственная цепочка преступлений
полиция нескольких городов озадачена
никто не догадался проверить что у этих людей было в прошлом
а что у них было в прошлом? не помню всё замело
бог добр говорят не-не я не согласна
когда он был молод полон сил бог-то он был о-го-го
утопил в крови египет к примеру ближний восток
теперь другое дело бог ветхий днями
седой склеротик он маразматик
протыкает небо посохом так появляются звёзды
и вообще махнул рукой пусть идёт само собой
процесс пищеварения процесс мочеиспускания

теперь-то я думаю что думать бесполезно
бессмысленно снег вот не думает снег летит лежит
всех победит
утром встанешь а всё покрыто замётано стоило трудиться
ходить от дома к дому ездить к примеру в лондон
успевать на лыжах чтобы оставить улики

белое утро бог добр впереди у нас двенадцать дней рождества
вот и малиновка прилетела или может это снегирь
свиристель ага в лондоне воздушная тревога
молодые солдатики учатся складывать парашюты
к нам приедет лектор читать про химическую защиту
и про то полезно ли человеку
если он приобретёт себе душу а весь мир утратит

Содержание

Памяти розы

«Десяток лет в окно на это поле...»	5
«На любой случайной пьянке...»	6
«Хорошо по городу идти...»	7
«Всякий брошенный дом достаётся природе...»	8
«Порядочного человека...»	9
«Мужчина живёт, чтобы таскать мешки...»	10
«Глупый пароль из шести букв...»	11
стихи без музыки	12
«В мае кажется, что в моей стране...»	14
Рязанские новости	15
«ишь что выдумал — незачем ему тосковать...»	16
Ламентация о розе, или Венецианские сладости	17
«До сих пор не могу забыть»	18
Сонет	20

Полночь в Шэньчжэне

«Почти без багажа, почти без денег...»	23
«Ночная кукушка дневную перекукует...»	24
«Большой, как небо, интернет...»	25
Декадентские небеса	26
«А всё же мы чего-то потеряли...»	27
«Гниющими фруктами пахнет баньян...»	28
Разговор по скайпу	29
Понедельник	30
«Я каждый день убиваю Будду...»	31
«Непогода в Шэньчжэне...»	32
Весенняя песня	33
Сентябрьские стишки	34
«Сердце плавает в вещах...»	35
«Снова во сне проспал...»	36

Молитва перед выходом из дома	37
«На китайском жёстком ложе...»	38

Бестиарий простейших

«Мне всю жизнь везёт на блины...»	41
«Когда я был маленьким...»	42
«я тридцать лет ходивший в школу...»	43
Францисканская молитва	44
«Спиться в Китае приятней...»	47
Багатель	48
словесность будущего	50

Путешествие домой

«Люди борются за мир...»	53
Проклятые вопросы	54
«Мы пошли на оперу Тоска...»	55
«Кто только придумал, что счастливы дети?..»	56
«Понедельник. Ветер, туман и мгла...»	57
Путешествие домой	58
Новые записки у изголовья	59

Глиняный воин

«Я отказался от власти...»	63
Триптих острова Ламма	64
«Смейся вечности в лицо...»	65
Грибная фея	66
В греческом зале	68
«Чужие небеса и родные просторы...»	69
«Выбираться из нищеты...»	71
Юнгианский экзорцизм	71
Демотиватор	72

Марина Мурсалова. Жестокое солнце

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 2.03.2020
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4,75.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6043511-7-8

9 785604 351178

Говоря будто бы о чувствах и жизни одного человека, Марина Мурсалова говорит о нас и нашем мире — какими он и мы предстаём друг дружке прямо вот сейчас. Говорит убедительно, без аффектации и надрывов. Чуть-чуть меняя нас и мир своими стихами. Если нужны доказательства неисчерпанности силлабо-тонического стихосложения, то вот, пожалуйста. Хотя книга, разумеется, шире и важнее доказательства этого тезиса.

Андрей Пермяков

Когда я думаю о Марине Мурсаловой, в голову сразу приходит слово «поэт». Мурсалова всегда и прежде всего — поэт.

Андрей Чемоданов

Это чтение по кочкам и ухабам, где каждый поворот неожидан. Лёгкость, с которой Марина Мурсалова крутит и вертит читателем, скорость перемещения во времени и в пространстве, невероятная теснота смыслового ряда впечатляют. При этом книга — гармоничное целое, всё как мы любим, ура, получилось! Читать Мурсалову — чистое удовольствие, рада за тех, кому оно предстоит.

Ната Сучкова

ISBN 978-5-6043511-7-8

9 785604 351178